

Юноша в объективе камеры выглядел стройным и статным, белая рубашка сидела на нём свежо и аккуратно, но взгляд был холодным и отстранённым, а от всей его фигуры исходила неприсущная холодность, отталкивающая окружающих на тысячу ли.

- Потому что ты и впрямь тот, кто лучше всех в моём воображении подходит на роль Чжоу Юя.

Чжоу Юй – так звали главного героя фильма.

- Чжоу Юй на самом деле очень хрупкий и в то же время заикленный на себе человек. Я говорю, что он заиклен на себе, потому что его мир очень мал: в нём есть только младший брат, мать, отец, одноклассники, учитель, а всё остальное для него не имеет никакого значения. Именно поэтому он может холодно смотреть, как отец избивает мать, но без малейших колебаний принимает решение убить отца, когда узнает, что тот хочет продать младшего брата.

Но с другой стороны, именно из-за своей хрупкости он и прибегает к такой самозащите, отгораживая всех остальных от собственного мира, чтобы не впасть в отчаяние из-за собственной слабости и бессилия. Но эта самозащита по своей сути похожа на мыльный пузырь – она лопаётся от малейшего укола, и стоит этому защитному куполу прорваться, как единственный исход для Чжоу Юя – это... падение.

- Такой облик... – Ду Цзыюй указал на лицо Гу Чу на экране, – это и есть самозащита Чжоу Юя.

Затем он повернул голову, и его тонкие пальцы коснулись внешнего уголка глаза Гу Чу, продолжая говорить словно в бреду:

- И твоя собственная самозащита тоже. Я понял это с самого первого взгляда на тебя.

В уголке глаза Гу Чу ощутился холодок. Одновременно с прикосновением чужих пальцев он инстинктивно попытался отстраниться, но от прозвучавшего у самого уха шёпота внезапно задрожал. В голове стало абсолютно пусто, воздух в груди словно сжало тисками, так что стало совсем нечем дышать, а в ушах внезапно прозвучал знакомый голос из глубин памяти:

- А-Чу, хотя ты и боишься ранить себя, тебе ведь не обязательно напускать на себя такой ледяной вид, чтобы защититься!

Гу Чу опустил глаза, торопливо пряча эмоции на дне зрачков, сглотнул застрявший в горле ком и хриплым голосом произнёс:

- Я не Чжоу Юй.

Возможно, выражение лица Гу Чу в этот момент выглядело странным, а возможно, Ду Цзыюй что-то почувствовал: его рука слегка дрогнула, после чего он как ни в чём не бывало убрал её.

При лунном свете оба сидели в одинаковых позах, а их тени на стене сливались в единое целое.

Лишь спустя долгое время Гу Чу подавил бурю в душе, и складка между его бровями постепенно разгладилась. В тот же миг он почувствовал, как сидевший рядом Ду Цзыюй с облегчением выдохнул.

- Кхе-кхе, А-Чу.

Ду Цзыюй с опаской взглянул на Гу Чу. Хотя он и не знал, о чём тот только что подумал, он не упустил вспыхнувшие на мгновение в глазах собеседника отчаяние и боль. Это удушающее ощущение тонущего человека заставило его замереть от страха, не смея даже шевельнуться, не говоря уже о том, чтобы, как обычно, отпускать шуточки в адрес Гу Чу. И всё же... Ду Цзыюй нахмурился: через что же в конце концов пришлось пройти Гу Чу?

Пока он мысленно пребывал в нерешительности, Гу Чу заговорил первым, и его голос звучал совершенно ровно:

- Ты весь день оставался крайне недоволен моей игрой. Почему?

Услышав это, Ду Цзыюй встрепнулся и переспросил:

- Как ты постигаешь эмоции Чжоу Юя?

Гу Чу встретился взглядом с Ду Цзыюй и несколько растерянно ответил:

- В сценарии уже заданы и обстоятельства, и условия. Я мысленно помещаю себя в эту обстановку, а затем пытаюсь угадать и логически вычислить, чтобы в итоге найти подходящие для данной ситуации эмоции.

В глазах Ду Цзыюй, пока Гу Чу объяснял, мелькнуло понимание, после чего он кивнул:

- Именно так. Угадать и вычислить... А-Чу, ты ведь на самом деле не погружаешься в ситуацию по-настоящему.

Не дожидаясь возражений со стороны Гу Чу, Ду Цзыюй продолжил:

- Твоя игра неизменно вызывает у меня труднообъяснимое ощущение фальши, и теперь я наконец понял, в чём проблема. Когда ты играешь, у меня создается впечатление, будто ты...

Ду Цзыюй нахмурился, словно пытаясь подобрать подходящие слова, и спустя мгновение его глаза ярко вспыхнули:

- Точен! Да, точен, как какой-то прибор. Какое выражение лица в какой момент следует изобразить, под каким углом должен изгибаться уголок рта, в какой позе тело должно появиться в кадре – всё это то, чем должен обладать актёр высокого уровня... Но... ты делаешь всё слишком по стандарту, до того по стандарту, что это выглядит как чистая хрестоматия, лишённая естественного взрыва эмоций. Ты говоришь, что занимаешься предположениями и логическим анализом, – вот в этом-то и кроется проблема. Раз присутствуют они оба, значит, живых эмоций уже не существует.

Ду Цзыюй замолчал на секунду, улыбнулся Гу Чу, и в его глазах и уголках рта застыло ничем не скрываемое самодовольство:

- А-Чу, эмоции – это не результат расчётов и умозаключений. Это капля за каплей накапливающийся опыт, который постепенно сливается в глубокий пруд или ручеек. Из ничего они множатся, по-настоящему разливаясь из твоей груди по всему телу и начиная подчинять себе твои поступки. И с чистым рассудком это не имеет ничего общего.— Это нелогично, — Гу Чу поджал губы, явно не в силах этого понять. — Человеческое поведение подчиняется определенным паттернам. Даже поступки, продиктованные эмоциями, не выходят за их рамки. Поэтому правильные догадки и умозаключения приводят к соответствующим чувствам, а те, в свою очередь, к соответствующим действиям. По сути, разницы нет.

Ду Цзыюй пристально посмотрел на юношу, который так серьезно пытался его убедить, и вдруг тихонько усмехнулся:

— Конечно, есть. Например...

Он внезапно подался вперед, правой рукой намертво вцепился в талию юноши и притянул его к себе, а левой завел за шею и жадно впился в его красиво очерченные губы. Их горячее дыхание мгновенно смешалось, заставив оказавшегося внизу юношу невольно вздрогнуть.

— Я люблю тебя — это эмоция, и она заставляет меня хотеть гладить тебя, войти в тебя, прижать к себе и заставить дрожать, плакать, показывать мне такие выражения лица, каких ты никогда никому не показывал... — голос Ду Цзыюй становился все более хриплым и низким, а жар в его глазах стремительно нарастал.

Гу Чу чувствовал лишь то, как учащается дыхание у его уха, словно сдерживающееся из последних сил, как рука на затылке нежно ласкает кожу, а рука на талии уже проскользнула под рубашку, передавая сухой и обжигающий трепет, и медленно опускается вдоль позвоночника...— А умозаключения и суждения, рождающиеся в моей голове, способны завести меня лишь до этого предела.

С этими словами Ду Цзыюй убрал руку, но в самый последний момент чуть подался вперед и оставил легкий поцелуй на хлопающих глазах юноши.

Все произошло за считанные секунды. В тот миг, когда Ду Цзыюй перехватил его, Гу Чу инстинктивно хотел дать отпор, но, услышав слова мужчины, резко замер. Однако сейчас,

видя, как тот с улыбкой смотрит на него и с явным наслаждением слегка касается губ, он вдруг кое-что осознал, и его лицо мгновенно потемнело. Холодно усмехнувшись, он поднял ногу и со злостью наступил на все еще вытянутую ногу Ду Цзыюй, а в тот момент, когда улыбка на лице того застыла, процедил:

— Это модель поведения, которую я вывел как наиболее подходящую для ответа на твои чувства.

— А-Чу... Ой-ой-ой-ой!

Хотя Гу Чу и опроверг слова Ду Цзыюй насчет того, что он якобы не до конца понимает чужие чувства, ему все же пришлось признать этот факт. И правда, между ним и его персонажем, Чжоу Юем, все еще оставалась невидимая преграда. Вернее, дело было даже не в том, что он не мог прочувствовать эмоции Чжоу Юя, а в том, что он подсознательно отгораживал себя от этого героя. В роль Линь Шаочэна из «Въевшегося в кости» он вошел с легкостью. Умерший от рук собственных братьев, Линь Шаочэн не испытывал ни малейших колебаний или обиды — точно так же, как и он сам...

Но Чжоу Юй... Вспомнив, как после прочтения сценария его сердце пронзили знакомые ощущения и удушающая тошнота, заставившие без раздумий согласиться на эту роль, Гу Чу задумался. Этот персонаж обладал для него фатальной притягательностью, и он сам собой разумеетельно считал себя идеальным исполнителем роли Чжоу Юй. Однако, по-настоящему погружившись в образ, он подсознательно начал противиться чувствам Чжоу Юй.

Просто играй, подчиняясь собственным эмоциям.

В ушах звучали слова Ду Цзыюй, произнесенные словно в вздох или нараспев.

Подчиниться собственным эмоциям?

Гу Чу закрыл глаза, впитывая окружающую атмосферу, и от движения уголка рта кольнуло болью. В этой сцене Чжоу Юя избивал собственный отец.

Чжан Цзивэнь был опытным возрастным актером, и в кадре этот удар выглядел абсолютно реальным. Хотя он искусно воспользовался ракурсом камеры и не вкладывал в удар всю силу, даже при этом на губе Гу Чу проступили следы синяков, а и без того бледная, нежная кожа мгновенно слегка припухла.

Чжан Цзивэнь никак не ожидал, что кожа Гу Чу окажется настолько чувствительной к повреждениям. Отойдя в мертвую зону камеры, он виновато посмотрев на Гу Чу. Гу Чу, скрытый от объектива слепой зоной, небрежно покачал головой, давая понять, что все в порядке.

Когда он направился к зоне отдыха, перед ним внезапно возникло лицо Ван Шуньпина. Выражение его лица было несколько странным, а взгляд, которым он окинул Гу Чу, таил в себе скрытую оценку. Рука Гу Чу вдруг ощутила холод — Ван Шуньпин что-то сунул ему в ладонь, а опустив глаза, он увидел пакет со льдом.

Режиссер Ду велел приложить, покатайтесь, следующая сцена начнется с минуты на минуту.

Бросив эти слова, Ван Шуньпин тут же поспешил удалиться.

Гу Чу инстинктивно перевел взгляд в сторону Ду Цзыюя. Тот, словно почувствовав что-то, небрежно повернул голову. Когда их взгляды пересеклись, брови Ду Цзыюя внезапно взлетели вверх, на лице заиграла победная, озаренная воодушевлением улыбка, в которой читалось откровенное самодовольство: — Ой, да не за что!

Пальцы Гу Чу, опущенные вдоль бедер, судорожно подернулись, и он с бесстрастным выражением лица отвел взгляд.

В следующей сцене избитый Чжоу Юй прячется в ванной комнате, медленно погружая себя в наполненную ванну.

Пространство ванной было небольшим, а когда туда протиснулось еще и несколько операторов с камерами, оно стало и вовсе тесным. Гу Чу мысленно прокрутил сцену в голове, жестом показал находившемуся снаружи Ду Цзыюю, что все готово и проблем нет, после чего раздался щелчок хлопушки. В этот момент Гу Чу сидел, обхватив колени руками и глядя в пустоту, прижавшись спиной к двери. Его темные глаза были неподвижны, как заброшенный омут. Снаружи кто-то снова и снова со злостью колотил в дверь, и раздраженный, пьяный голос Чжан Цзивэня отчетливо пробивался сквозь деревянную панель:

— Ну прячется он! Хватит духу — просидишь там до конца жизни! Ты, блядь, решил, что я ничего не смогу сделать?! Мелкий ублюдок, жди меня здесь!

Шаги за дверью постепенно затихли, и в помещении воцарилась полная тишина. Невдалеке из крана тонкой струйкой лилась вода, падая на дно пустой ванны и рассыпаясь брызгами.

Вскоре из-за двери снова донесся слабый звук. Детский, еще не окрепший голосок мальчишки сдерживал слезы:

— Братик...

Тело Чжоу Юя резко вздрогнуло. Чернота в его глазах встрепелась, лицо побледнело, отчего синяк в уголке рта стал еще заметнее. Он суетливо повернулся, прижался лицом к двери и торопливо зашептал:

— А-Ян, уходи быстрее! Слышишь? Не оставайся здесь!

— Братик... — Мальчик всхлипнул пару раз, но все же послушался: — Я ухожу, братик, ты только не выходи.

После торопливых шагов в коридоре вновь воцарилась тишина. Гу Чу наконец выдохнул и чуть ли не сполз на пол. Спустя долгое время он поднялся, с трудом переставляя ноги, доплелся до ванны и замер рядом. На его губах вдруг промелькнула насмешливая улыбка, после чего он опустил голову, перешагнул бортик и медленно осел на дно.

В то же время перед монитором в аппаратной Ван Шуньпин остро почувствовал неладное. Погода стояла вроде бы теплая, но его вдруг прошиб ледяной пот, едва не заморозивший пятки. Он инстинктивно оглянулся и тут же уткнулся взглядом в Ду Цзыюя: тот сидел с мрачным лицом и прямой спиной, вперив глаза в экран.

На мониторе худенький подросток откинулся назад, и вода вокруг него медленно пропитывала белую рубашку, полностью скрывая его под сенью ряби. Ткань намокла, мгновенно став

прозрачной, и плотно обтянула изящную талию, колыхаясь рядом с телом. Из-под нее проступила белая кожа, очертания ребер отчетливо угадывались сквозь мокрую ткань, а покрасневшие соски ни капли не скрывались от объектива. Сам же парень неподвижно глядел в воду широко раскрытыми глазами, а на его утонченном лице не дрогнул ни один мускул. Сцена, по задумке сценария гнетущая и тяжелая, сейчас почему-то невольно наполнялась чувственным, томным дурманом...

Воздух на мгновение стал сухим и пьянящим. Чье-то дыхание вдруг сбилось, став тяжелее, и Ду Цзыюй резко скомандовал:

— Стоп!

Этот резкий окрик ворвался в уши каждого, и съемочная группа наконец выдохнула воздух, который все это время задерживала в груди.

В ванной комнате операторы еще не до конца пришли в себя, когда дверь с грохотом распахнулась. Приволакивая больную ногу, внутрь вошел Ду Цзыюй и бросил ошеломленным операторам:

— Я пока прерву съемки, вы свободны.

В его тоне звучал приказ, не терпящий возражений. Дождавшись, пока те послушно выйдут, Ду Цзыюй захлопнул дверь и повернул задвижку — все движения были отточенными и быстрыми.

Под шумом льющейся воды Гу Чу поднялся из ванны. Едва он перешагнул через бортик, как ему в лицо прилетел банный халат. Подняв глаза, парень встретился с по-прежнему злым взглядом Ду Цзыюя.

— Надень.

Гу Чу глянул на собственную рубашку, намертво прилипшую к коже. Мокрота вызывала неприятное ощущение, поэтому спорить он не стал. Повернувшись к режиссеру спиной, он медленно расстегнул пуговицы.

Перед Ду Цзыюем предстала худая и бледная мальчишеская спина. От каждого движения выступали четкие очертания лопаток, и несколько прозрачных капель сорвались вниз, заскользив по идеальному изгибу позвоночника прямо в ложбинку на пояснице. Черные брюки насквозь промокли и едва держались на упругих ягодицах, пробуждая самые вольные мысли...

Как только Гу Чу стянул рубашку, он почувствовал, что дыхание стоящего позади Ду Цзыюя стало заметно тяжелее. Парень с недоумением обернулся и столкнулся с его взглядом: тот в упор смотрел на него так, будто в глазах полыхали два огонька. От этого сердце Гу Чу неожиданно запылало. Самого не зная почему, он вдруг ощутил легкую растерянность и панику. Руки задвигались быстрее, и он, даже не сняв брюки, кое-как накинул на плечи халат.

Стоило ему затянуть пояс, как Ду Цзыюй с бесстрастным лицом кивнул и распахнул дверь. В проеме показалась голова мальчишки — это был юный актер Дэн Цыци, игравший Младшего брата Чжоу Яна. Склонив голову набок, он с сияющими от любопытства глазами посмотрел на режиссера:

— Режиссер Ду, эту сцену нужно будет переснять?

Ду Цзыюй помедлил и холодно бросил:

— Не нужно.

Чуть в стороне Ван Шуньпин вытер со лба испарину и пробормотал себе под нос:

— Хорошо хоть этот малец додумался спросить...

Так эта сцена и канула в лету под всеобщее зловещее молчание.

Дальнейшие съемки пошли как по маслу — стоило Гу Чу взять себя в руки, как дело заладилось. Ду Цзыюй отснял все всего за пару дублей, не предъявляя лишних требований, и вся съемочная группа вздохнула с облегчением.

В субботу вечером, после окончания смены, Гу Чу уже собирался вернуться в гостиницу, но Ду Цзыюй остановил его. Повернувшись к стоявшему рядом Линь Аню, режиссер велел:

— Собери пока вещи Гу Чу, мне нужно взять его с собой по делам.

Линь Ань вопросительно посмотрел на актера, и, дождавшись кивка, молча удалился.

— Куда мы? — спросил Гу Чу.

Ду Цзыюй возился с аппаратурой и бросил через плечо:

— Ничего особенного, просто познакомлю тебя с нужными людьми.

Гу Чу сначала подумал, что под этими словами режиссер имеет в виду каких-нибудь режиссеров или сценаристов. Но когда он один за другим увидел генеральных директоров таких крупных развлекательных компаний, как Тяньюй, Хуаши и Тяньинь, а также целую плеяду влиятельных режиссеров, до него дошло: всё гораздо серьезнее, чем те легкомысленные интонации, с которыми Ду Цзыюй обсуждал, что им съесть на ужин. Неудивительно, что тот настоял на официальном костюме.

— Что это за банкет? — тихо спросил Гу Чу, когда Ду Цзыюй закончил здороваться со знакомыми.

Режиссер послушно наклонился к нему. В поле зрения попала нежная белая шея юноши и изящные ключицы.

Усилием воли подавив неуместное в данный момент томление, Ду Цзыюй тоже понизил голос:

— Семья Цзин. Семья Ду планирует выйти на рынок развлечений, в последнее время они налаживают связи с крупными компаниями. А мы... видишь вон того мужчину в очках? Это старейшина Би, а рядом с ним сценарист Ли Чун, они как раз подыскивают инвесторов для нового фильма.

— Ты пришел сюда ради этого? — Гу Чу вдруг вспомнил обрывки фраз, доносившихся до него ранее.

Ду Цзыюй внезапно закинул руку на плечо парню и с улыбкой произвел:

— Нам ведь всем нужны деньги на кино, без них никто снимать не станет, верно?

— Старик Ду! — раздался неподалеку звучный мужской голос. К ним направлялся средних лет мужчина в свободном костюме. Заметив Гу Чу, он расплылся в улыбке и приветливо окликнул:

— Знакомые лица! А-Гу, ты тоже здесь?

Гу Чу улыбнулся:

— Здравствуйте, режиссер Ли.

Ли Цзинь окинул Гу Чу оценивающим взглядом и с одобрением произвел:

— Неплохо, неплохо. Как тебе работается у режиссера Ду? Этот засранец ведь куда вреднее меня, да?

Ду Цзыюй притянул Гу Чу к себе и фыркнул:

— Об этом можешь не беспокоиться, лучше о своем фильме подумай.

Слова предназначались Ли Цзиню, но сам Ду Цзыюй смотрел на мужчину, стоявшего рядом с тем. У мягкого, благородного лица этого человека была легкая улыбка, а во взгляде, устремленном на Гу Чу, сквозила ничем не прикрытая забота.

Ли Цзинь тут же скорчил кислую минную, шагнул вперед, ухватил Ду Цзыюя за локоть и шумно вздохнул, собираясь поплакаться на жизнь.

Тем временем Янь Цин обратился к Гу Чу:

— Давно не виделись.

Гу Чу высвободился из объятий Ду Цзыюя, отступил на пару шагов в сторону и вежливо ответил:

— Давно.

Янь Цин скользнул взглядом по Ду Цзыюю, которого Ли Цзинь держал мертвой хваткой, не давая уйти, хотя тот то и дело косился в их сторону. Легко усмехнувшись, Янь Цин взял с подноса официанта два бокала, протянул один Гу Чу и, изогнув бровь, поинтересовался:

— Что у вас с Ду Цзыюем?

Вопрос прозвучал донельзя естественно, без малейшего намека на зондаж почвы.

Гу Чу взял бокал, и его пальцы случайно задели прохладную, почти лишенную тепла кожу Янь Цина.

— А что у нас может быть? — Гу Чу искоса глянул на него.

Взгляд Янь Цина за стеклом очков казался темным и нечитаемым. Он многозначительно произвел:

— Внешний мир только и говорит, что о ваших отношениях...

Хотя он все еще снимался в группе Ли Цзиня, за новостями следил исправно. Слухи о романе Гу Чу и Ду Цзыюя поползли после какой-то фотографии еще месяц назад и до сих пор держались в топе обсуждений.

Еще с той встречи в отеле с Ду Цзыюем Янь Цин заметил, что Гу Чу относится к режиссеру

как-то иначе, и это отличие жутко его раздражало. Позже — будь то фотографии или та авария — злость в его груди только накапливалась. И сейчас, увидев Ду Цзыюя, он чувствовал, что бушующая внутри ярость едва поддается контролю, и лишь присутствие Гу Чу помогало ему хоть немного сдерживаться.

— Не ожидал, что ты веришь желтой прессе. Разве у нас с тобой раньше тоже не ходили слухи? — в голосе Гу Чу проскользнула редкая ироничная нотка.

Янь Цин горько усмехнулся:

— И то верно... Но одна новость все-таки правдива — он посмотрел прямо на Гу Чу, чеканя каждое слово: — Инвестор фильма «Летние светлячки», Цайши, вытащил свои деньги... Фильм Ду Цзыюя больше не на что снимать.

(Экран)

— Вытащил деньги? — Гу Чу опустил взгляд, внезапно вспомнив то, о чем шептался с ним Ван Шуньпин.

— Малыш Гу, мы сейчас...

<http://bllate.org/book/21659/2234998>